

ГЕОГРАФИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЁВА

Петрова П.И.

г. Санкт-Петербург, школа №20 Невского района, 10 «А» класс

Руководитель: Орехова Д.В., г. Санкт-Петербург, Школа №20 Невского района,
учитель географии

Доступные на сегодняшний день художественные тексты Н.С. Гумилева (поэзия, проза и драматургия), литературная критика, письма, переводы, воспоминания, дневники современников старалась учесть все наиболее значительные работы критиков и литературоведов о творчестве поэта, а также упоминания о нем в литературоведческих и культурологических высказываниях Серебряного века.

Предмет исследования – географические аспекты творчества поэта и драматургии Н.С. Гумилева географических тем, образов и мотивов. При анализе роли географических тем, образов и мотивов в творчестве Н.С. Гумилева учитывала географическую философию. Земля предстает в творчестве поэта живым, мыслящим, окультуренным пространством, что превосходит идеи В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, П.Н. Савицкого об окультуривании биосферы, превращении ее в качественно новое состояние, пронизанное светом духовности, – ноосферу.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать творчество Н.С. Гумилева, рассмотреть основные культуронимы, относящиеся к гумилевской географии.

Постановка подобной цели исследования определила и его **задачи**, среди которых можно назвать:

- изучение географии произведений Н.С. Гумилева, ее основных маршрутов и ориентиров,
- анализ наиболее значимых для творчества Гумилева топонимов, которые наполнены культурно-философскими смыслами. В исследовании рассматриваются такие культуронимы, как Индия, Китай, Абиссиния, Египет, Византия, Ирландия, Франция, Россия;
- изучение темы «странничества духа» в произведениях Н.С. Гумилева в контексте «литературы путешествий».

Научная новизна исследования обусловлена необходимостью целостной интерпретации гумилевской географии, её аспектов в творчестве поэта. Каждая из экзотических стран, упомянутых в контексте гумилевской географии (Абиссиния, Персия, Китай, Индия, кельтская Ирландия), является не просто чужим и таинственным

миром, интересным для путешественника, привлекательным в своей чужеродности и непохожести, но наследницей древней магической культуры, одним из сакральных центров земли.

Экзотизм Гумилева – это не бегство усталого и мечтательного декадента от европейской цивилизации, а стремление освоить новые для русской поэзии пространства. Так, благодаря «Шатру» в пространство русской поэзии вошла Абиссиния-Эфиопия – одна из самых таинственных и насыщенных культурными реалиями стран загадочного «черного континента», земля «черных христиан». Поэтому можно говорить о гумилевском «активном экзотизме» как о совершенно особом феномене, восходящем к географическим аспектам творчества поэта.

Топонимика в детские и юношеские годы Н.И. Гумилёва

3 апреля 1886 года, по старому стилю, в Кронштадте, в доме Григорьевской по Екатерининской улице, у морского врача Степана Яковлевича Гумилева и его жены Анны Ивановны родился сын, через двенадцать дней крещенный Николаем. Пятнадцатого апреля младенец был крещен в Кронштадтской морской военной госпитальной Александро-Невской церкви. Вскоре вся семья отправилась отдыхать в Слепнево, так что первые месяцы жизни Гумилев провел в древнем родовом имении предков под Бежецком.

Через полтора месяца после рождения сына С.Я. Гумилев был произведен в статские советники и уволен по болезни от службы «с мундиром и пансионом», и 15 мая семья переехала на жительство в Царское Село.

В 1890 году Степан Яковлевич, повинаясь неодолимому модному поветрию, приобрел у инженера-технолога Михаила Подобаева дачный участок в местечке Поповка, верстах десяти от Царского Села.

Весной 1893 года Николай Гумилев выдержал экзамен в подготовительный класс Царскосельский гимназии.

Осенью 1893 года Гумилевы переехали из Царского Села в Петербург, наняли квартиру в доме Шамина, на углу Дегтярной

и 3-й Рождественской улиц. Дом по Рождественской улице тогда стоял под №32. Жили Гумилевы в квартире №8. Теперь эта улица называется 3-й Советской. Здание к счастью сохранилось.

Газалов готовил Гумилева к вступительным экзаменам в гимназию Гуричева – знаменитого педагога и директора Собственных учебных заведений.

Летом 1897 года отдых в Поповке был прерван – семья поехала в Железноводск: по предписанию врачей отец Гумилева должен был пройти курс лечения.

Весной 1900 года у старшего брата Дмитрия был обнаружен развивающийся процесс в легких (туберкулез). Степан Яковлевич, уже переживший в молодости одну чахоточную смерть, на этот раз среагировал моментально. Дети с матерью тут же были отправлены из коварной сырости Петербурга на кумыс, в местечко Подстепановка близ Самары, а отец семейства убыл в Тифлис.

11 августа того же года Анна Ивановна с сыновьями покинули Подстепановку и отправились в Тифлис: паромом по Волге – до Астрахани, по Каспийскому морю – до Баку, а далее поездом – до грузинской столицы.

Степан Яковлевич встретил семейство на Тифлисском вокзале. Квартира была уже снята – в центре города, в доме нефтепромышленника Мирзоева на углу Сергиевской и Сололаксской улиц.

Гумилев поступил в четвертый класс Второй Тифлисской гимназии, проучился полгода, а 5 января 1901 года родители перевели его в Первую Тифлисскую мужскую гимназию, находившуюся на Головинском проспекте (ныне проспект Руставели)

За зиму Степан Яковлевич сумел приобрести небольшое, в 60 десятин, имение Березки в Рязанской губернии.

25 мая 1901 года Гумилевы отправились в имение, чудесно прожили лето и к 1 сентября вернулись в Тифлис.

Пятый класс гимназии. Успехи, как всегда, средние, а по греческому – и вовсе никакие. Назначена переэкзаменовка на осень. С этим Гумилев уехал, нимало, впрочем, не огорчившись, в Березки. Там, как всегда, читал, носился на лошадях, сочинял стихи о Грузии и о любви.

Из Березок в Тифлис он приехал один, самостоятельно: это ощущение было бесконечно интереснее экзамена, который он тем не менее успешно сдал.

На осенний сезон 1901/02 приходится пик его увлечения социал-демократическими идеями и вдумчивое знакомство с трудами Карла Маркса.

В начале сентября 1902 года выступил в газете «Тифлисский листок» с собствен-

ным стихотворением «Я в лес бежал из городов».

Первая публикация доставила ему огромную радость и определила дальнейший путь.

К концу 1902 года врачи, наблюдавшие Дмитрия Гумилева, заключили, что он совершенно здоров и никакой угрозы чахотки не существует. А здоровье Степана Яковлевича Гумилева в это время, наоборот, пошатнулось настолько, что стала ясна необходимость завершения службы в «Северном страховом обществе» в самое ближайшее время. В совокупности два этих обстоятельства заставили главу семейства задуматься над возвращением на север в милое его сердцу Царское Село.

О последних месяцах, проведенных Гумилевым в Грузии, известно лишь несколько разрозненных биографических эпизодов. В Тифлисе он задержался дольше всех из семьи. Степан Яковлевич устраивал дела в Царском Селе, Анна Ивановна и Дмитрий, сдав квартиру на Сергиевской, уехали в Березки, а Гумилев вплоть до конца мая 1903 года домучивал годовые экзамены.

Наконец, в 20-х числах он сдал и математику, был переведен в предпоследний, седьмой класс, получил в Головинской гимназии отпускной билет для следования в Рязанскую губернию и покинул Тифлис навсегда.

В конце августа Анна Ивановна с сыновьями отправились из Березок в Царское Село обживать новый, только что снятый Степаном Яковлевичем дом. Вместе с ними поехала Александра Сверчкова, которая в это лето также жила на рязанской даче со своими детьми – девятилетним Николаем и семилетней Марусей.

Поэзия Серебряного века

Исследование позволяет углубить представления об интерпретации географических терминов, тем и мотивов в русской литературе «серебряного века». Результаты исследования дают возможность интерпретировать географию текстов Н.С. Гумилева, ее маршруты и ориентиры.

Поэзия Серебряного века оставила глубокий след в русской литературе.

Николай Гумилёв как раз тот человек, поэт, интерес к творчеству которого не иссякнет никогда. Он оставил нам, наследникам, большое количество стихов, оригинальных по манере написания, интересных по смыслу.

Николая Гумилёва всегда тянуло в заморские страны, ему хотелось увидеть всё, испытать новые чувства, а затем оформить свои впечатления в стихи. Он уехал в Па-

риж, «душа требовала расстояний и впечатлений».

Париж стал для Н. Гумилёва вторым домом. Сюда он приезжал очень часто, но стихи раздаривал в основном другим городам, может быть, потому, что впечатления от Африки и остальной Европы затмевали образ привычного Парижа. Тем не менее и Франция не была совсем отвергнута в стихах Н. Гумилёва.

Франция – слабая красавица, которую невозможно не любить, но она была уже знакома Н. Гумилёву, а Африка, далёкая Африка, всю жизнь притягивала к себе поэта.

После 1907 г. Н. Гумилёв предпринимает вторую поездку в Африку, на этот раз достигнув Аддис-Абебы. Этим путешествием он надолго утолил жажду приключений. Африка подарила поэту вдохновение, которое вылилось в стихи. Очень интересно стихотворение «Озеро Чад», где повествование ведётся от лица африканской красавицы, соблазнённой европейцем.

Поэт ненавязчиво знакомит читателей с африканской природой, озером Чад, он создаёт фон для слушателей истории африканки и одновременно знакомит с таинственной Африкой.

Многие африканские страны запечатлены у Н. Гумилёва в стихах. Это Египет и Судан, Дагомея (Бенин) и Галла. Стихи «Дагомея» и «Галла», подобно «Озеру Чад», содержат в себе определённую историю. Например, в стихотворении «Галла» автор рассказывает о встрече с пророком. Обращаясь к историям людей, Н. Гумилёв не забывает о живописной природе.

Стихотворения «Судан» и «Египет» полностью посвящены описанию образа жизни людей, обычаев. Поэт пытается донести до читателей всё, что увидел. Его стихи живы и ярки, страны, словно встают перед глазами.

Да, Африка стала фонтаном вдохновения поэту, для неё он написал четыре «водных» стихотворения. Два посвящены рекам («Замбези», «Нигер»), одно – каналу («Суэцкий канал»), одно – озеру («Озеро Чад»); шесть – о странах («Дагомея», «Египет», «Судан», «Либерия», «Абиссиния»), и одно об исторической области «Галла». Пустыне, острову и полуострову посвящено также по одному стихотворению («Сахара», «Мадагаскар», «Сомалийский полуостров»).

27 сентября 1908 г. Н. Гумилёв съездил в Афины, столицу Греции. Эта страна запечатлена в стихотворении «Родос», где идёт речь о греческом острове.

Древний остров сразу же предстаёт перед глазами во всём величии, окутанный

знойной негой. Со следующих строк читателям открывается прошлое: соборы, мосты, вдохновлённые небом люди. Н. Гумилёв размышляет о долге человека, его судьбе, противопоставляет жизнь «в глубине кабинета» и «в долинах старинных поместий».

Вскоре, после выхода в 1912 г. нового сборника стихов «Чужое небо», Н. Гумилёв вместе с Анной Ахматовой съездил в Италию, где создал цикл итальянских стихов. Туда вошли стихи: «Венеция», «Неаполь», «Генуя», «Рим», «Болонья», «Флоренция», «Пиза». Они названы именами итальянских городов.

Стихотворение «Рим» – своеобразная дань истории. Известно, что Рим основали братья Ромул и Рем, которые, будучи совсем крохотными, были сброшены в реку Тибр по приказанию своего двоюродного деда. Но младенцы не погибли, их вскоре прибило к берегу, и они были вскормлены волчицей. Эта волчица и увековечена Н. Гумилёвым в стихотворении:

Сейчас великолепный Рим, встречающий туристов «ликом Мадонны вдохновенным и храмом святого Петра», хранит в себе отголоски древности, когда великие основатели его играли с длинной шерстью своей матери. В стихотворении «Генуя» Н. Гумилёв показывает читателям разговор моряков в порту, как отмечает поэт, «все ведут между собою вековые разговоры».

Контраст между двумя городами сразу бросается в глаза – величие Рима и дружелюбие Генуи. Но есть и сходство между ними, традиции в этих городах складывались веками, их покой лишь изредка нарушается: в Риме воспоминаниями, в Генуе – приходящими судами.

Не только в Италию съездил Н. Гумилёв. В 1917 г. 20 мая он прибыл в Стокгольм, а оттуда морем отправился в Лондон. Следующее знакомство поэта со Швецией произошло в апреле 1918 г. при возвращении из Лондона через Скандинавию в Петроград.

Живописный пейзаж Швеции не мог не произвести впечатления на поэта. Отдавая дань красоте природы, Н. Гумилёв вспоминает и историю. Он роднит Россию и Швецию. Ещё в древности варяги частенько навевались к славянам и как воины, и как торговцы. Н. Гумилёв словно пытается разбудить память людей, заставляет вспомнить мощь и величие Швеции.

По нормандской теории, варяжский князь Рюрик положил начало княжеской династии, Скандинавия и Русь стали сёстрами.

Стихотворение заканчивается вопросом, что даёт читателям возможность поразмыслить над ним. Есть у Н. Гумилёва и стихот-

ворение «Стокгольм», посвященное столице Швеции, и «Норвежские горы», где запечатлены эти могучие великаны.

В эти же годы (1917 – 1918) поэт стал увлекаться восточной поэзией, переводить стихи китайских поэтов. В 1918 г. у Н. Гумилёва вышли три книги: «Миг», «Костёр», «Фарфоровый павильон» (Китайские стихи).

Китай – огромная далёкая страна, где своя культура, своя жизнь, всё чужое, и поэтому такое манящее.

Неизвестность притягивает. В стихотворении «Путешествие в Китай» поэт предвкушает радость знакомства с этой страной. Его уже заранее впечатляют и розовая пена, и ночь у пальмы, даже недели, проведённые на корабле.

Хотя Н. Гумилёв и не бывал в Китае, его стихи яркие и интересны, будто всё описываемое он видел своими глазами.

В Знакомство Гумилева с китайской культурой началось в ранний царскосельский период, поскольку в Екатерининском дворце, Китайской деревне и Китайском театре было сосредоточено немало китайских «диковин». В 1910 г., в Париже, Гумилев любовался обширной коллекцией китайского искусства из Музея Восточного искусства Гимэ).

В сборник «китайских стихов» «Фарфоровый павильон» вошли вольные переводы стихотворений китайских поэтов эпохи Тан. Наиболее важным источником стихотворений, вошедших в «Фарфоровый павильон», является «Яшмовая книга» Юдифь Готье (1845–1917), опубликованная в 1867 г. Личность и творчество дочери Теофиля Готье были особенно близки Гумилеву в связи с тем, что именно Юдифь Готье, по словам Реми де Гурмона, вместе с Пьером Лоти открыла для французской поэзии «вкус экзотики»

Для образно-символической интерпретации «сборника китайских стихов» «Фарфоровый павильон» важна символика фарфора как «императорского» материала, заключающего в себе величие Поднебесной империи. Беседка или павильон, наряду с башней, колодцем и дверью, являются символическим обозначением Вечной Женственности. В стихотворении «Китайская девушка» (1914) фигурирует голубая беседка «посредине реки», ставшая «темницей» для лирической героини стихотворения. Образ беседки «посредине реки» из стихотворения «Китайская девушка» соотносится с образом-символом фарфорового павильона, поднявшегося «среди искусственного озера» (стихотворение «Фарфоровый павильон», открывающее сборник «китайских стихов»). И беседка, и павильон символизи-

руют убежище, подобное райскому саду, где находят приют избранные души.

1919 г. у Н. Гумилёва вышла ещё одна книга – переводы «Гильгамеш. Вавилонский эпос». В 1921 г. – «Шатёр». Именно в «Шатре» и были напечатаны африканские стихи поэта. Следующую книгу, «Огненный столб», вышедшую в августе того же года, поэт уже не увидел. 3 августа его арестовали по подозрению в участии заговора Петроградской боевой организации и расстреляли. Расстреляли великий ум, который мог бы ещё творить и творить. Его всегда тянуло в дальние страны, и, кто знает, сколько ещё географических стихов Н. Гумилёв подарил бы читателям.

Географические путешествия в творчестве поэта

В марте 1911 года, спустя восемьдесят дней после январского прощания с Адис-Абебой, Гумилев, сев в Момбасе на английский пароход, возвращался – через Джибути и Константинополь – в Россию:

Это было трудное возвращение: тропическая лихорадка, погубившая безвестного француза в лесах Кении, настигла и Гумилева. Все время – в поезде по пути в Момбасу, потом в портовой гостинице в ожидании парохода и в желанной каюте – он испытывал внезапные приступы жара, который длился сутками, вызывая озноб, бред и странные святые виденья.

В Константинополе, пересаживаясь на российский пароход до Одессы, Гумилев выглядел настолько подавленным и изможденным, что от него, как от зачумленного, шарахались местные нищие.

Ступив после полугодовой разлуки на российскую землю, Гумилев отправил багажом в Петербург все африканские трофеи – коллекцию картин, звериные шкуры, чучела, экзотическое оружие и прочие диковины, – а сам, по сложившемуся обыкновению, сел в поезд до Москвы. В особнячке на 1-й Мещанской он занимал домашних Брюсова рассказами о пережитой в Красном море буре и о совершенстве телосложения эфиопок вперемешку с рассуждениями о заграничных музеях и выставках (дневник 1911 г.).

В творчестве Гумилева тема Египта распадается на два периода: имеется ввиду книжное знакомство поэта с культурой Египта, ознаменовавшееся выходом журнала «Сириус» и появлением на его страницах неоконченного прозаического произведения «Вверх по Нилу», и знакомство реальное, связанное с гумилевскими поездками в Египет, датировка первой из которых является дискуссионной (1907 или 1908 гг.?). Здесь

рассматриваются египетские паломнические маршруты, характерные для православной духовности и присутствующие в поэзии и прозе Гумилева: путешествие к «сикоморе Богородицы», паломничество по маршруту, связанному с бегством Святого Семейства в Египет.

В феврале 1913 года у Гумилева был разработан план, который и он благополучно осуществил.

«Я должен был отправиться в порт Джибути в Баб-эль-Мандебском проливе, отсюда по железной дороге к Харару, потом, составив караван, на юг в область, лежащую между Сомалийским полуостровом и озерами Рудольфа, Маргариты, Звай; захватить возможно больший район исследования; делать снимки, собирать этнографические коллекции, записывать песни и легенды. Кроме того, мне предоставлялось право собирать зоологические коллекции. Я просил о разрешении взять с собой помощника, и мой выбор остановился на моем родственнике Н.Л. Сверчкове, молодом человеке, любящем охоту и естественные науки. Он отличался настолько покладистым характером, что уже из-за одного желания сохранить мир пошел бы на всевозможные лишения и опасности».

Отъезд был назначен на начало апреля. Гумилев делил время между экзаменами в университете и визитами в Артиллерийское управление и правление Добровольческого флота. Он познакомился с главным хранителем Музея этнографии, страстным исследователем архаических культур Львом Яковлевичем Штернбергом и с маститым апологетом дарвинизма академиком Дмитрием Николаевичем Анучиным, мечтавшим добыть экземпляр африканского красного волка для подтверждения гипотезы о трансформации биологических видов.

Накануне отъезда Коля-маленький, прибыв, как было условлено, из Царского Села на «Тучку», обнаружил там лежащего в полубеспамятстве Гумилева и Ахматову, растерянно хлопотающую над бредившим мужем.

Вызванный врач поставил предварительный диагноз – тиф.

Дорога целительно подействовала на Гумилева. Из Одессы он сообщал Ахматовой, что «совершенно выздоровел, даже горло прошло» (врач ошибся с тифом). А 11 апреля 1913 г. местная газета «Южная мысль» оповестила читателей:

«Вчера ушел из Одессы на Дальний Восток пароход Добровольного флота «Тамбов» под командой капитана М.И. Снежковского. На пароходе в числе пассажиров выехали в Джибути командированные антропологическим и этнографическим музеем Им-

ператорской Академии Наук, Н.С. Гумилев и Н.Л. Сверчков. Последние едут в Абиссинию для производства научных исследований».

Рейс «Тамбова» был грузовой. Помимо Гумилева и Сверčkова на пароходе вначале находился лишь один каютный пассажир с билетом до Владивостока. Впрочем, через два дня в Константинополе «Тамбов» взял на борт еще три десятка «каютных» и «палубных» пассажиров. Это были мусульманские паломники, направлявшиеся в Мекку, а также молодой турецкий дипломат Мозар-бей, следующий в Абиссинию в качестве нового генерального консула Османской империи в Харраре.

Под гнетущим впечатлением от военного Стамбула, Гумилев и Сверчков, минуя обязательные для туристов базары и кафе, прошли прямо к Айя-Софии: «Мрачный сторож надел на нас кожаные туфли, чтобы наши ноги не осквернили святыни этого места. Еще одна дверь, и перед нами сердце Византии.

23 апреля (6 мая) в 4 часа 15 минут пополудни «Тамбов» стал на якорь на рейде Джибути, белеющего на побережье своими арабскими домиками с плоскими крышами, зубцами, террасами и аркадами. Гумилев, Сверчков и Мозар-бей съехали на берег в моторной лодке (нововведение порта, быстро растущего под патронажем французского губернатора). От Джибути вглубь континента французы тянули железнодорожную ветку, но до полного завершения работ было еще далеко. По готовым перегонам поезда ходили два раза в неделю – по вторникам и субботам. Узнав в гостинице, что ближайший состав до абиссинского городка Дире-Дауа ожидается через три дня, путешественники решили не связываться с караваном, а использовать эти дни для отдыха на морском пляже, в уютных местных кафе, заполненных европейцами, и в загородном саду, куда их повез хорошо знакомый Гумилеву русский вице-консул Иосиф Галев.

Путевой дневник Гумилев пока вел подробно, «так, чтобы прямо можно было печатать» – для полевых заметок имелись блокноты и карандаши. Впрочем, работа уже началась: в Джибути Гумилеву с помощью Галеба удалось записать несколько песен местных сомалийцев из племени Исса (по слухам, одного из самых свирепых)

Субботним утром 27 апреля (10 мая) Гумилев, Сверчков и Мозар-бей вторым классом, которым пользовалось на колониальных линиях большинство европейцев, отправились в Дире-Дауа.

10 (23) или 11 (24) мая Гумилев принимал участие в церемонии торжественной

встречи въезжающего, наконец, в Харрар Мозар-бея:

Там их ожидали документы из Адис-Абебы, подтверждающие статус российской экспедиции. Получив, наконец, оружие и боеприпасы из таможенного хранения, караван Гумилева утром 5 (18) июня направился на юго-запад, через горную страну Черчер в земли Галла, простирившиеся от нагорных твердынь христианской Абиссинии к далеким южным провинциям:

Миновав озера Оромайя и Адели, караван двигался через деревню Беддану, где начальником (геразмагом) был дядя переводчика Фасики, и через город Ганами, поразивший путешественников странными циклопическими постройками из выщербленных камней, напоминавшими то крепость с бойницами, то египетских сфинксов.

23 июня (6 июля) на горизонте показалась гора, на которой в XIII веке обращал галласов в ислам подвижник и чудотворец Гуссейн. Его мавзолей (кубба) уже шестьсот лет слыл одной из главных мусульманских святынь Восточной Африки. Паломники шли сюда отовсюду: пребывание в Шейх-Гусейне считалось равнозначным хаджу в Медину и Мекку. Помимо того, чудеса не переставали свершаться у гробницы Гуссейна, и местные жители пользовались милостью святого для разрешения повседневных бед и недоразумений.

Ослепительно-белые стены куббы Гумилев и его спутники увидели 26 июня (9 июля), после трехчасового непрерывного подъема по дороге, утопанной за многие века бесчисленными паломниками. На окраине окружающего мемориал селенья, в тени молочаев караван остановился лагерем. Слух о белых людях мгновенно разнесся по окрестностям. Вскоре появились двое галласов с подарками от Аба-Муды, главы мусульманской общины Шейх-Гуссейна. Этот почетный титул носили местные шейхи, являющиеся потомками святого; в тот же день Гумилев побывал на торжественной аудиенции в мазаре, их жилой резиденции, примыкавшей к пышным гробницам грандиозного некрополя.

От Гинира – крайней южной точки утвержденного Академией маршрута – Шейх-Гуссейн отделяло три суточных перехода. В город, уже знакомый Гумилеву по предыдущему путешествию, караван вступил вечером 30 июня (13 июля). Местный нагадас был знаком Фасике, и путешественники остановились в его загородной вилле. В круг обязанностей хозяина виллы входило управление гинирским рынком, что существенно облегчало поиск редкостей для этнографической коллекции, а также способ-

ствовало необременительному пополнению запасов провизии. В Гинире караван пробыл три дня и 4 (17) июля начал обратный путь, взяв курс на северо-запад, к Лагохердиму – последней станции эфиопской железнодорожной магистрали. На этот раз дорога пролегла по области Аруси, где не было крупных населенных пунктов, а многие деревни оказались оставлены жителями, переживавшими сезон дождей в горах.

В Дире-Дауа Гумилев и Сверчков навестили деревню Фасики, вновь задержавшись в хлебосольном доме галласа на сутки с лишним.

Денежные неурядицы, заставившие Гумилева пропустить намеченный паромный рейс, провести чуть не месяц с пустыми карманами в Джибути и добираться до родины по четырем морям на «перекладных», были лишь первыми сполохами затяжной грозы, разразившейся над ним сразу после возвращения.

Заключение

Географические темы, образы и мотивы играют важную роль в творчестве Н.С. Гумилева, обладают яркой образностью и символикой, наполнены историко-культурными, философски-религиозными и мифологическими смыслами. Топонимы, присутствующие в гумилевской поэтической географии, в большинстве своем являются культуронимами, а «география в стихах» перерастает в географическую философию.

Путешествие в гумилевской географии послужило открытию, художественному постижению, «называнию» историко-культурного и религиозного центра-локуса. Путешествие в поэзии Н.С. Гумилева – реализация «божественного движенья», в котором «живым становится, кто жил» (поэма «Открытие Америки»). Сакральные царства древности представлены в произведениях Гумилева как «царства поэтов», поданы в контексте поэтической истории человечества. Так, Китай – это страна поэтов эпохи Тан, древняя Ирландия представлена как земля поэтов-друидов. Гумилевская география актуализирует основные религиозные и историко-культурные центры-локусы мировой истории, предлагает читателю уникальное путешествие по временам и культурам, в котором тема России занимает едва ли не главное место.

Список литературы

1. Вернется ли «отлетевшая Русь»? Н.С. Гумилев и поэты «крестьянской купницы»: Н.А. Клоев и С.А. Есенин // Русская словесность в школах Украины. – 1999. – №4. – С. 45–49.
2. Контуры абиссинского мифа в африканских текстах Н.С. Гумилева // Материалы Пятой Международной научной

конференции «Язык и культура». – Киев: Фонд гуманитарного развития «Collegium», 1997. – Т. II. – С. 133–139.

3. Контур абиссинского мифа в африканских текстах Н.С. Гумилева: (Поэма «Мик», сборник «Шатер») // Ритуально-мифологічний підхід до інтерпретації тексту: збірник наукових праць / За заг. Ред. Л.О. Кисельової, П.Ю. Поберезкіної. – Київ: ІЗМН, 1998. – С. 156–171. .

4. Поэтическая география Н.С. Гумилева: Монография / Е.Ю. Раскина. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2006. – 164 с.

5. Поэтическая география Николая Гумилева // Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилева в контексте поэзии XX века. – Тверь: ТГУ, 2005. – С. 100–112.

6. «Кельтское возрождение» начала XX века и образ кельтского мира в текстах Н.С. Гумилева // Наука и школа. – 2005. – №2 – С. 25–30.

7. Куда ведет «путь конквистадоров»? (мотив «завоевания (открытия) Америки» в творчестве Н.С. Гумилева) // Латинская Америка. – 2009. – №4 – С. 100–107.

8. Мотив "благочестивого творчества" („смиренного знания") в художественной программе акмеизма // Русская литература. – 1999. – №3 – С. 168–175. .

9. Образы китайской культуры культуры в творчестве Н.С. Гумилева // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Спецвыпуск. – 2008. – С. 61–66.

10. Пространство России в поэтической географии Н.С. Гумилева // Русская литература. – 2001. – №2 – С. 37–41. .

11. Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2009. – №1 – С. 113–117.